

Бурик Е. А., Бодак А. Ю.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В МАЛОРИТСКОМ РАЙОНЕ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ РАЙОНА ОТ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ВОЙСК

Политическая ситуация в Западной Беларуси в первые послевоенные годы была сложной. Предстояла повторная советизация региона, которую Советская власть не успела завершить в предвоенные годы. Здесь власть встретила упорное сопротивление своих противников, и здесь несколько лет шла необъявленная война. Власть эту войну выиграла.

В данной статье рассматриваются различные аспекты решения вопросов советизации и проблем, с которыми пришлось столкнуться Советской власти в регионе, а также их преодоления.

***Ключевые слова:** политические настроения, слухи, террор, бандитизм, репатриация, умиротворение.*

Введение

Малоритский район был освобождён от немецко-фашистских захватчиков в июле 1944 г. Началось возрождение мирной жизни у людей, которые 3 года страдали под пятой оккупантов. Тем не менее, для Советской власти здесь проблемы не закончились. Теперь предстояла решительная борьба за восстановление порядка и стабильности в районе. В этом смысле руководству пришлось столкнуться с рядом серьёзных проблем, которые пришлось незамедлительно решать.

Борьба с нездоровыми политическими настроениями местного населения

Учитывая слабый уровень грамотности местного населения, в его среде широкое распространение получили всевозможные слухи о будущем изменении политической ситуации не в пользу Советской власти. Слухи, распространяемые либо врагами власти, либо неумными людьми, оказывали заметное влияние на формирование общественного мнения среди крестьян. С этим власти пришлось бороться со всей решительностью.

Летом – осенью 1944 г. политическая активность населения серьёзно гасилась слухами о том, что фронт вот-вот вернётся назад, и начнутся «разборки» с теми, кто поддержал советскую власть. Когда же фронт безоговорочно отдался от нашей границы, неуверенность людей стала подогреваться угрозами бандеровцев, зачистивших из Волынской области Украины [8, л. 40].

Власти необходимо было повышать доверие к себе, не уходя от острых вопросов крестьян и находя на них правильные ответы. Летом 1945 г. секретарь райкома докладывал в область: «После победы настроение населения исключительно хорошее. При беседах с населением задают разные вопросы. Крестьяне интересуются, будет ли соль, в отношении дачи коров за счёт пригона из Германии. Очень довольны изъятием из района изменников Родины, но ещё мало, надо убрать всех, кто издевался над людьми и сейчас хорошо себя чувствует. Как скоро придут мужья из армии? Так же война подорвала хозяйство, и интересуются, как его восстанавливать, когда будет помощь государства за уничтоженные дома, телеги, скот, «вернёт ли Германия, что разрушила?» возвратят ли крестьянам по актам ущерб? Хотят уменьшить налоги и вопросы по льготам

семьям инвалидов и убитых на войне. Как будет с Германией, долго ли там будут стоять войска союзников. Дадут ли району электростанцию, лесопильный завод, так как они вывезены в Германию?» [8, л. 18].

Ответы на вопросы, как правило, находились. Однако те, кому были не по душе положительные перемены в послевоенной жизни людей, не унимались. Прокурор района Цвирко в июле 1945 г. утверждал, что «на территории района ходят всевозможные слухи, и с ними плохо борются органы НКВД и НКГБ» [5, л. 29]. В декабре 1945 г. работник Леспромхоза заявил, что к ним приехал «один гражданин, из Германии и начал распространять слухи, что в Германии жить лучше, а здесь заставляют заготавливать лес». И при этом агитаторы власти не могут адекватно ответить на эти утверждения – «даже по книжке прочитать не могут» [5, л. 48]. Тогда же работник военкомата сообщил, что враги Советской власти хотят сорвать выборы в Верховный Совет СССР, говоря, «что это – подписка в колхоз» [5, л. 48]. Если учесть, что сразу после окончания войны районное руководство сверхделикатно отнеслось к идее реанимирования довоенных колхозов, это была откровенная клевета.

Работы с населением по борьбе со слухами, клеветой врагов власти и их открытым вооружённым сопротивлением, в это время оставалось много. Она затянется на несколько лет, пока в районе не установится настоящий мир, и люди смогут полной грудью вздохнуть спокойно.

Проблема репатриации польского населения

Ещё одной проблемой, которую районным властям придётся безотлагательно решать, станет репатриация польского населения района на историческую родину.

После освобождения территории БССР от немецких оккупантов начались переговоры между правительствами Польши и СССР о корректировке границы между двумя странами. Этот процесс подразумевал в том числе и обмен населением – желавшим уехать в Польшу поляками и возвращавшимися на историческую родину белорусами. Малоритчину этот процесс так же затронул, хотя и не в той мере, как соседние районы – этнических поляков на территории района было немного. К тому же часть их по различным причинам подалась в Польшу в обозе немцев, не дожидаясь соответствующих правительственных соглашений.

Нужно понимать всю сложность выбора людей, которые прожили здесь всю жизнь, для которых район был родным пристанищем многих поколений их предков (если не считать осадников, появившихся здесь недавно в качестве инструмента ополячивания региона). При царе особых национальных проблем не возникало, однако в межвоенный период оказалось, что местные представители польской национальности стали государственнообразующим народом. Это подразумевало уже другой статус человека, повышало его относительно других соседей. 1939 год внёс некоторые коррективы, и этот статус исчез. Кровавые события имевшей место южнее волынской резни поляков бандеровцами заметно подогрели стремление здешнего польского населения жить в собственном польском государстве. После освобождения района Красной армией так же явно имел место и наивный расчёт людей избавиться от сталинской модели жизнеустройства. Поляки ещё не знали, что эта модель доберётся до них и на новом месте, хоть и через несколько лет.

Надо отметить, что проблема репатриации решалась довольно деликатно, учитывая опыт совместного проживания в регионе представителей различных этнических групп. Однако, немногочисленные негативные моменты в организации процесса переселения могли серьёзно испортить взаимоотношения двух народов. Поэтому 12 апреля 1945 г. Брестские областной совет и обком партии приняли постановление «О недостатках в работе по переселению граждан польской национальности в Польшу». Здесь говорилось о том, что договор предусматривал только добровольное переселение, и принуждение к нему недопустимо. Считалось, что «поляки из простого народа хотят жить в условиях советского строя, прямым и косвенным путём принуждаются к подаче заявлений о переезде» [1, л. 105]. Вряд ли эти поляки хотели остаться в СССР по идеологическим причинам – скорее здесь работал психологический фактор нежелания бросать свой дом, нажитое имущество и хозяйство, родительские могилы, наконец.

Некоторые руководящие работники допускали искажение сути договора о репатриации – в ряде районов отнимали у уезжавших лошадей и другое имущество, не думая о том, «чтобы уезжающие остались друзьями Советского Союза, а не озлобленными людьми» [3, л. 67]. Иногда под поводом переселения республику покидали белорусы-католики. Правда, у таких «пропуском» в Польшу служили их фамилии, оканчивавшиеся на «овский» и «евский» или «евич». Тем, у кого фамилия оканчивалась на «ук», «юк», перспектива переселения была проблемной.

Оценка оставляемого поляками имущества часто составлялась произвольно, завышалась его стоимость. Кое-кто из руководства присваивал себе имущество бежавших с немцами помещиков и недобитых советской властью до войны осадников. Местным органам запретили выдавать справки о национальности, и документом, определявшим принадлежность к той или иной нации, стал только паспорт.

Следует отметить, что малоритское руководство справилось с задачей переселения максимально корректно. По крайней мере, его, в отличие от руководства других районов, не прорабатывали на совещаниях, посвящённых этому вопросу. Это позволило избежать неприятных инцидентов, имевших место в других районах (так, в Высоковском районе один из поляков, оставляя созданный им сад, подрубил все 70 молодых деревья, или как в одной из деревень уезжавшие подрезали балки оставляемого дома) [2, л. 105]. Здесь так же имели место некоторые инциденты, но не подобного масштаба – в апреле 1945 г. было отмечено, что в Збуражском сельсовете некая гражданка Боколядь выломала окна в доме, в д. Антоново уезжавший сломал печь, и имели место выпаса скота уезжающими на посевах ржи в Збуражском, Ляховском и других сельсоветах [3, л. 67]

7 июня 1945 г. секретарь райкома докладывал наверх: «По району записалось на выезд поляков 319 семей. На 1 июня выехало 295, пока остаётся 24. 295 выехали до 15 мая и весенний сев не производили. Из оставшихся 22 семьи засеялись, а 2 категорически отказались и ждут выезда. Нельзя сказать, останутся ли эти 22 семьи. Они колеблются. 12 семей, ранее записавшихся на выезд, заявили, что не уедут. Со стороны кулаков и польских националистов шла антисоветская агитация, поэтому кое-кто портил имущество, переданное по акту в сельсоветы» [16, л. 13]. Однако, как уже говорилось выше, это не приобрело такой размах, как у соседей.

Главное, о чём просили представители власти уезжающих, чтобы они перед отъездом произвели посев яровых (записавшиеся на выезд игнорировали весенний сев). С этой целью полякам разъясняли, что при переезде в Польшу им это будет скомпенсировано польским государством натурой или деньгами [3, л. 67].

Некоторые поляки по различным причинам возвращались домой и требовали вернуть им посевы и дома. Однако, распрощавшись почти со всеми поляками района, руководство зачем-то должно было информировать обком и ЦК КПББ об откликах населения на судебный процесс над руководителями польского подполья и по вопросу образования Временного польского правительства национального единства. Нужно было это организовать до 10 июля 1945 г. Это имело бы смысл при сохранении в районе крупной польской диаспоры. В нашем же случае руководство разумно проигнорировало эту «указивку» (дважды отправленную) – без этого хватало других проблем.

Теперь требовалось наладить приём белорусов, прибывавших на территорию района из Польши [4, л. 38]. Поскольку уехавших поляков оказалось гораздо больше, чем приехавших белорусов, то поучившийся весомый излишек земли было решено раздать безземельным и малоземельным местным крестьянам, что и было сделано. Для этого руководство сельсоветами организовало охрану имущества и земли уезжавших [3, л. 67]. Брошенной землёй распорядились разумно, логично и по-хозяйски.

Борьба с вооружёнными бандформированиями

Главной же проблемой для руководства района и области стало острое политическое противостояние с фашистскими недобитками. Освобождение района от немецких оккупантов не принесло сюда долгожданный мир. Теперь началась совсем другая война – законной власти и её противников из представителей местного населения. И с ними началась борьба суровая и бескомпромиссная. Антисоветские элементы в регионе объективно оказались в условиях продолжающейся Великой Отечественной войны союзниками немцев, подрывая советский тыл, а после её окончания всячески пытались сорвать процесс налаживания мирной жизни и возвращения людей к человеческим условиям бытия.

В августе 1944 г. районным отделом НКВД были созданы истребительные отряды из бывших партизан. Они сыграли большую роль в поддержании порядка и охраны материальных ценностей в районе. Казалось, что они выполнили свою задачу, и были расформированы. Их участники привлекались на работу в НКВД или отправлялись в распоряжение ЦК КПББ, где с ними был произведён денежный расчёт [2, л. 7].

Однако жизнь показала, что всё только начинается, в районе констатировали, что «фронт рядом, и враг будет забрасывать гадов, наличие вооружённой силы в районах надо сохранить». В итоге были созданы новые отряды из представителей советского и партийного актива, без отрыва от производства и с привлечением местного населения [2, л. 7]. Жизнь показала, что восстановление таких формирований оказалось верным.

21 декабря 1944 г. в 10 часов вечера банда в составе 58 человек ворвалась в помещение Ореховского сельсовета, где находился только сторож. Непрошенные визитёры переломали всю мебель, частично сожгли документацию, часть её унесли с собой. В помещении оказались разбиты печь, рамы и захвачены 8 винтовок, которые были предназначены для бойцов истребительного отряда.

Разгромив помещение сельсовета, бандиты направились к школе. Рядом с ней жила учительница Мария Буловецкая. Её ограбили, забрали книги, платья и мелкие вещи, а конспекты и планы порвали. Уходя, они предупредили бедную женщину, чтобы школа не работала и пригрозили, что, если она продолжит преподавать, над ней учинят расправу. Учительница сразу уехала в Малориту и категорически отказалась возвращаться обратно. В районе успели убедиться, что у бандитов слова редко расходились с делом. Начальство решило больше её не посылать в Орехово, а с нового года отправить кого-нибудь другого [3, л. 2].

Тогда же бандиты ограбили нескольких крестьян, забрали лошадь, хлеб, картофель, несколько полушубков и другие вещи. Председатель сельсовета Корень и уполномоченный НКВД смогли скрыться неподалёку на одном из хуторов. На место выехала воинская часть, напала на след и нашла бандитский лагерь в 12 км от Орехово на Шацких озёрах, в Украине. Была устроена погоня, в ходе которой удалось убить четырёх бандитов. Аналогичные проблемы тогда же имелись в Мокранском и Хотиславском сельсоветах [5, л. 2]. Указанный выше факт опровергал оптимистичные заявления парторга военной части в районе о том, что «район почти очищен от врагов, и стало возможно выезжать в сельсоветы» [5, л. 7]. Ему возражал начальник райотдела НКВД Слизов: «Осталось много нечисти, убит председатель сельсовета» [5, л. 10]. По мнению районного руководства, корень зла крылся в соседнем Дивинском районе – «там есть националисты, и они засылают агентов сюда» [5, л. 12]. Объективности ради заметим, что в том районе ситуация в первые послевоенные даже не месяцы, а годы, напоминала настоящую войну, и тамошние бандиты – бульбовцы ли, бандеровцы ли, выпили у советской власти столько крови, что их малоритские коллеги на этом фоне выглядели, слава Богу, бледновато. Тем не менее, трагическая действительность и здесь властно калечила жизнь мирным людям.

Только за конец 1944 – начало 1945 гг. ситуация с бандами в районе выглядела следующим образом: в ночь на 24–25 октября 1944 г. в д. Черняны ворвалась группа Ермака (бандитское формирование. – авт.) в 60 человек. Находившихся на лесозаготовках крестьян разогнали, одного из красноармейцев зарубили топором, другого ранили. Трое сержантов Красной Армии были заведены в лес на 4 км. От Чернян и с особой жестокостью замучены [20, с. 309]; тогда же в д. Черняны 24 октября в 6 часов вечера та же банда захватила бывшего партизана Трофима Васильевича Коренько, брата председателя местного сельсовета, увели в лес, выломали ему руки и сожгли на костре. То же сделали с 4 военнослужащими – младшим лейтенантом, двумя сержантами и одним рядовым. Тогда же был ранен рабочий по строительству моста Н. Хвалевич [20, с. 310]; 2 ноября в д. Антоново были убиты председатель Великоритского сельсовета Николай Романович Свидинский, сотрудник УНКВД по Брестской области Лемешев, жительница деревни Михно Наталья Савельевна. Уполномоченный Брестского обкома партии Василий Ефимович Матвеев был легко ранен и под прикрытием темноты скрылся. Раненого сотрудника УНКВД Ивана Михайловича Кушнира бандиты увели с собой, и судьба его была неизвестна. Его участь разделили уведённые в лес 7 ноября депутаты сельсовета д. Доропеевичи Игнат Исаевич Кисель и Пётр Лукашук [20, с. 311]; в ночь на 10–11 января 1945 г. в д. Доропеевичи был убит председатель Чернянского сельсовета Коренько [20, с. 315].

Приведённые здесь факты наглядно характеризуют обстановку, в которой приходилось восстанавливать район после его освобождения от немцев.

В начале марта 1945 г. район получил источник для беспокойства из-за соседей, видимо, бойцов Армии Крайовой. Они, силой до батальона пехоты (по другим сведениям – в 300 человек), 4 марта перешли границу СССР и вторглись на территорию Олтушского и Ореховского сельсоветов. Военная часть, располагавшаяся на территории района, совместно с пограничниками 2 дня преследовала непрошенных гостей, убила 27 из них и переловила до 200 человек. Примечательно, что часть попавших в плен поляков уверяла, что «они не знали, куда идут, а как только узнали и были обстреляны нашими пограничниками, сразу начали сдаваться». При этом, большинство пленных и убитых не имели никаких документов [8, л. 9].

Казалось, что это – остаточные явления, последствия оккупации, которые сойдут на нет за короткое время. Жизнь продиктовала свои суровые коррективы. Самое трудное здесь было ещё впереди. Война с территории района никуда не ушла. Она приняла другое обличье. Враг был коварным подлым и не соблюдающим никаких человеческих правил. Остаётся сожалеть, сколько хороших, добрых, настоящих людей извели эти нелюди, которые не умели строить, учить, лечить. Они умели только убивать. Иногда подводя свою жестокость под идеи, которые не разделяла с ними большая часть людей, хотевших мира и покоя на своей истерзанной войной земле.

По мере того, как лесные «повстанцы» начинали понимать, что Советская власть тут – всерьёз и надолго, сопротивление их возрастало. Однако, ещё имелись иллюзии ожидания помощи Запада.

Так что, бандиты с 1946 г. заметно активизировали свою деятельность по подрыву мирного строительства и налаживанию нормальной жизни. 24 января 1946 г. в 23 00 выстрелом из охотничьего ружья в своём доме был убит бывший партизан отряда им. Жукова путевой обходчик станции Хотислав Кивачук Алексей Петрович 1912 г.р. [20, с. 319]; 4 апреля убит житель д. Хотислав Ключник Лукьян Кузьмич 1889 г.р., 7 апреля была убита его дочь Ключник Евдокия Лукьяновна 1912 г.р.; в ночь на 25 апреля в Чернянском сельсовете очередью из автомата был расстрелян местный активист Шульгиевич Николай Андреевич (данный факт нуждается в проверке. – авт.); 20 мая 4 боевика казнили заведующего малоритской сберкассой Савчука Константина Фомича 1893 г.р., а на другой день те же – председателя Хотиславского сельсовета Бенисюка Ефима Гавриловича [12, с. 321].

В ночь с 30 на 31 августа 1946 г. в д. Заболотье Мокранского сельсовета были обнаружены листовки антисоветского содержания, по всей деревне оказались расклеены призывы к укреплению банд УПА (бандеровцев). Одновременно в д. Луково такие же листовки призывали вести борьбу против выполнения хлебопоставок. Райотдел МГБ провёл работу по установке лиц, которые могли листовки распространять. Оказалось, что в этих деревнях 30 августа находился неустановленный гражданин, который приходил наниматься к людям на обмолот посевов, Другим он предлагал часы и кольца, ссылаясь на недостаток денег, говорил, что демобилизован и что проживает в Сельцах (в других разговорах – в Кортелисах, в Гурниках и других пунктах соседнего Ратненского района) потом скрылся, оставив листовки [9, л. 19].

В октябре 1946 г. местные власти отмечали, что райотдел МВД не может обеспечить нормальную жизнь в районе. За предыдущие два месяца «лесные братья» по Великокоритскому сельсовету увели 200 овец, и ещё сотню в Ляховском сельсовете. Не «брезговали» и картофелем. Так же подвергались грабежу магазины – в Ляховцах, Великокорите и дважды в Хотиславе. Одновременно имелись случаи избиения депутатов Хотиславского и Олтушского сельсоветов «бандитами – белорусскими и украинскими националистами». Райком партии считал, что всё это – антисоветская контрреволюционная деятельность, направленная на срыв хлебо- и других заготовок. Преступность в районе резко росла. Райком послал милиции для укрепления кадров 5 коммунистов, но их по разным причинам не задействовали [9, л. 207]. Секретарь райкома возмущался: «Держат пьяниц и разложенцев, а в это время милиционер Касяник бьёт Кузнецова и Кротова, Касперович – гражданина Самосюка Фёдора Павловича, Уснарский присвоил вещи гражданина Хапалая» [там же].

2 октября 1946 г. выстрелами через окно были убиты жители д. Мельники Пищик Степан Никитович и Пашель Степан Никитович [20, с. 322] 25 ноября 1946 г. в 19.30 вечера в д. Дубично Великокоритского сельсовета выстрелом в окно был убит инструктор Малоритского райкома партии и одновременно уполномоченный по поставкам в этом сельсовете Семён Константинович Терещенко [10, л. 4]. Убийц тогда так и не нашли. Одновременно продолжались грабежи магазинов. К предыдущим объектам добавились магазины в Олтуше и Орехово. Бандгруппы, не стеснясь, барражировали по району.

Райком телеграфировал в обком партии: «Всё это отражается на нормальной работе в районе. В связи с подготовкой к выборам в Верховный Совет БССР ни в одном населённом пункте не удаётся собрать вечером крестьян – боятся бандитов. Просим содействия в укреплении райотделов МВД и МГБ работниками и другими видами охраны для создания нормальных условий для работы в районе» [там же].

13 января 1947 г. обком партии на заседании (протокол № 13, п. 5) принял решение «совместно с РО МВД создать при сельсоветах вооружённые группы содействия по борьбе с бандпроявлениями» [13, л. 14]. Однако на местах осуществление этого решения натолкнулось на запрет областного управления МВД на раздачу оружия (запрет, кстати, вполне уместный – кто мог дать гарантию, что это оружие не попадёт в лес?). Тем не менее секретарь райкома докладывал вверх: «Группы на месте мы создаём, но без оружия. Просим вмешаться» [там же]. Иногда в самом районе не понимали, какой груз проблем свалился на плечи местной милиции – в начале февраля 1947 г. комсомольскую организацию РО МВД резко критиковали за то, что она последние два месяца не работала, не выпускала стенгазеты и не проводила ежесубботные учёбы с комсомольцами [6, л. 26]. Да какие там, к лешему, стенгазеты, когда приходилось практически круглосуточно гоняться за бандитами по лесам и не допускать, чтобы отдельные случаи терроризма не привели к тотальному беспределу.

Ситуация настоятельно требовала срочных и решительных мер по стабилизации ситуации. Руководство района было поставлено в крайне сложные условия. Разрешите привести документ без купюр, который представляет собой настоящий крик души секретаря райкома, если он решился написать письмо от себя самому секретарю ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко в начале 1947 г.:

«Пантелеймон Кондратьевич, решил вам написать о положении в районе и помочь. Ибо так дальше работать невозможно. Я в район прибыл 18.11.44. и если сравнивать условия работы тогда и в последнее время, то оказывается, чем дальше, тем хуже. Тянуть дальше при таких условиях работы, какие мы сейчас имеем, невозможно. Ибо все труды парторганизации бесплодны.

С конца 1944 и до начала 1946 г. район не был благополучен. Налёты банд были частенько, но эффективно проводимая борьба с бандитизмом давала положительные результаты, и район проводил политические кампании удовлетворительно.

Население не чувствовало такого страха, потому что банды приходили извне, из-за Буга или Волынской области. Неоднократно на территории проходили бои, (мы. – авт.) разбивали их, и население и актив села смело и решительно помогали в борьбе.

После того, появились мелкие банды, да из местного населения группа во главе Совчука деревни Хотислав. Последним были убиты активисты той же деревни 3 человека. В мае 1946 г. были убиты председатель Хотиславского сельсовета Бенесюк и заврайсберкасой Совчук, в августе избит и стал инвалидом депутат села Косик, в январе 1947-го избит до полусмерти депутат д. Мельники Косик, в ноябре 46 убит активист Бамель, в ночь с 17 на 18 февраля 1947-го в Хотиславе убит убит Смаль, прибывший в отпуск работник Брестской тюрьмы, и сожжена хата активиста-десятника Данила Лукьянчика. Только в 1 сельсовете убито 7 чел. и 2 избиты до инвалидности.

Эта банда буквально парализовала всю жизнь сельсовета. Ибо неоднократно приходили к депутатам Косику в Мельниках и предупреждали: «Брось службу, прекрати выполнять хлеб, лес и т.д. ибо убьём». Но тот, как и другой депутат д. Вишеньки честно и активно исполняли свой долг и в результате были избиты и стали инвалидами.

Рядом с Хотиславским сельсоветом – Олтушский. В ноябре 1946 г. там был убит активист д. Олтуш Чуль, кроме того, частые появления в сельсовете банды и поиски председателя сельсовета и агента комитета заготовок и предупреждения активистов села привели к тому, что работа сельсовета парализована.

Рядом – Ореховский сельсовет, в котором тоже частые появления банд. В результате чего были убиты в 1946 году 2 человека, 2 января 1947 г. были пойманы и уведены, и по агентурным данным, убиты предсельсовета Бегеза, агент уполнаркомзага Соловчук и представитель Брестского обкома Шаболин. После этого убийства жизнь сельсовета парализована, хотя и стыдно признаться, но вот уже второй месяц мы не можем назначить нового предсельсовета и агента уполминзага. Никто из местных жителей «не хочет» и заявляет прямо: «Мне ещё жить не надоело».

25.11.46 в д. Дубично убит инструктор райкома Терещенко.

30.02.47 в 2 часа ночи в д. Ланская был смертельно ранен председатель райисполкома Ткачев и через 12 часов скончался.

Все убийства, прошедшие по району, прошли безнаказанно, ни один бандит не убит и не пойман. Если не считать убийство бандита Совчук на территории Волынской области, но его убили тамошние сотрудники МВД.

Активизируя борьбу с бандитизмом, надо прямо заявить, что мы только фиксируем факты после убийства – приедут, проведут следствие и на этом дело

кончается. Вести борьбу нашему аппарату райотдела МВД и МГБ не под силу – их всего 8 человек. Для этого нужна вооружённая сила. Но её нет.

Такая постановка борьбы с бандитизмом привела к тому, что 3 сельсовета, по сути, парализованы. Весь сельский актив, по сути, перестал работать. Если кто приезжает из района, то актив прячется и избегает встречи с райработниками. Только и слышишь ответы: «Что же, сегодня начну работать, завтра придут и убьют, а у меня семья и т.д.».

Кроме того, надо сказать и другое, что все бандиты нам известны, семьи их проживают на месте, связаны с ними и помогают бандитам вести свое гнусное дело.

В результате начались нездоровые разговоры и настроения среди членов партии. Боязнь выезжать в село, а если и выедет, то на ночь уезжает в райцентр. Есть факты выезда из района.

Проводить собрания вечером не получается, ибо крестьяне не идут. Собрать их стоит немалых трудов. Не идут, потому что боятся бандитов. Все это вместе взятое заставило меня написать Вам докладную записку. Я одно прошу – не понять меня так, что я растерялся. Но надо в конце концов покончить с этим – обидно, что какая-нибудь группа 7 бандитов гуляет безнаказанно и терроризирует население.

Брестский обком выносил решения и наказывал людей за такое состояние в районе, но реального результата нет, и убийства продолжают.

Для того, чтобы вести борьбу с бандитами, надо в районе иметь небольшую группу войск. Хотя бы 50 человек, расставить их в этих трёх сельсоветах, иметь хотя бы одну собаку. Если такая группа начнет активно действовать, я уверен, не пройдет 2–3 месяца и банда будет ликвидирована. И надо принимать меры к семьям этих бандитов» [13, лл. 6–8].

Такой документ должен был иметь очень серьёзные последствия, и они не замедлили сказаться, однако до стабилизации ситуации было ещё далеко.

Не смотря на принимаемые властями меры по ликвидации бандформирований, в 1947 г. ситуация продолжала оставаться напряжённой.

1 января в д. Орехово были расстреляны председатель Ореховского сельсовета Бегеза Яков Андреевич 1900 г.р., агент уполминзага Соловчук Пётр Григорьевич, 1906 г.р., инспектор Брестского госбанка Шабалин Михаил Максимович 1916 г.р.; в ночь на 18 февраля в д. Хотислав был убит Смаль Николай Коимович, приехавший домой в отпуск; в ночь на 20 февраля в д. Ланская в квартире председателя Олтушского сельсовета Костючика Г. А. был смертельно ранен председатель Малоритского райисполкома Ткачёв Пётр Григорьевич, убийство которого было спланировано и подготовлено; 24 апреля в д. Мельники ограбили дом и расстреляли жителей деревни Кивачука Василия Макаровича, Кивачука Дмитрия Макаровича, 1909 г.р., в ту же ночь проникли в дом на хуторе Межегоры Хотиславского сельсовета и убили Кивачука Онуфрия Макаровича [20, с. 323].

В ночь с 8 на 9 мая 1947 г. бандиты налетели на один из первых колхозов района «Победа» в Збуражском сельсовете. Банда до 15 человек ворвалась в правление колхоза, разбила там телефонный аппарат, в колхозе подожгли конюшню. В результате пожара сгорело 20 коров, 5 овец, 5 рабочих лошадей, 1 молодая лошадь, т.е. оказались полностью уничтоженными весь скот и тяговая сила [12, л. 100]. Райком отмечал, что с весны 1947 г. банды активизировались,

терроризируют население, убивают представителей власти, грабят население и кооперативные магазины. С начала 1947 г. было убито 12 человек и ограблено много крестьянских дворов, в том числе и стахановцев Леспромхоза Елькина и Киселевича. Заметно выросли в этой связи уголовная преступность и кулацкий саботаж [там же].

Секретарь райкома Подоляк сигнализировал в обком: «РО МВД укомплектован только на 60 % и слабыми кадрами, неспособными вести серьёзную работу с уголовниками и бандитами. Прокуратура тоже не укомплектована. Облуправление МГБ и МВД решение бюро обкома от 13.01.1947 г. не выполнило. Созданные группы содействия поражённых бандитизмом сельсоветов не вооружены – нет оружия в районе. Начальник РО МГБ Комяк оторвался от партийной жизни, увлёкся незначительными успехами, разоблачениями отдельных бандгрупп. Морально-политическое состояние гарнизона войск МВД в Малорите низкое, отдельные солдаты и офицеры сами являются нарушителями общественного порядка, хулиганы и пьяницы. Командование на местах бывает редко, а если и бывают, то в райком не заходят. Райком просит дать Комяку Георгию Васильевичу (в партии с 1939 г.) дать выговор с занесением. Обязать его и начальника РО МВД Сазонова обеспечить охрану социалистической собственности и усилить работу с уголовной преступностью... поставить вопрос о морально-политическом состоянии военнослужащих гарнизона» [12, л. 101].

20 мая 1947 г. инструктор райкома Борсук доводил до сведения секретаря райкома: «Комяк, как начальник РО МГБ не обеспечил прекращения действий бандгрупп а занялся пьянкой и многоженством» [11, л. 31].

Райком просил обком ЗАСТАВИТЬ областные управления МВД и МГБ о вооружении групп содействия и советского и партийного актива и «дать людей, способных справиться с бандитами». У милиции имелась только одна машина, просили ещё и впридачу собаку-ищейку. Так же просили прислать в район прокурора вместо давно выехавшего прежнего. Для поддержания ограбленного колхоза обязали директора МТС Виноградова и заведующего коннопрокатным пунктом МТС Шалимова немедленно передать ему 5 лошадей [12, л. 101].

Бандиты не унимались. 20 мая 1947 г. инструктор райкома Борсук доводил до сведения секретаря райкома: «В районе есть бандиты, которые парализуют население и не дают проводить вечером собрания» [11, л. 31]. 28 июня 1947 г. партийная школа при Ореховском сельсовете прекратила свою работу – никто по вечерам туда не стремился [17, л. 6].

В конце мая 1947 г. райком требовал от начальников РО МВД и МГБ Сазонова и Комяка принять решительные меры по ликвидации бандгрупп (81, л. 36). Те ставили в известность вышестоящие инстанции, что комплект кадров у них составляет только 50 % от положенного, что приводит к трудностям с патрулированием города [19, л. 22].

Районное партсобрание от 6 июля 1947 г. констатировало: «Преступность увеличивается, участковые не проводят профилактику, а только регистрируют кражи. Жёны наших коммунистов – Шимчукова и Земнова сами занимаются скупкой и перепродажей яиц из Малориты в Брест. Организованные пьянки прекратились, но одиночные есть – даже у Сазонова – открывал бесцельную стрельбу в ночное время, а личному составу приходилось его провожать на квартиру. Сазонов и Шимчук обзывают людей нецензурно [19, л. 27]. Личный

состав перестаёт правильно работать и становится на путь преступлений [там же, л. 28]. Милиционер Андреев стрелял в городе по некоему Зубенко. «Якобы в порядке самообороны, но его наказали» [там же, л. 40].

Летом–осенью 1947 г. борьба с бандитами продолжалась с определёнными трудностями. Требуемое зимой 1947 г. оружие люди всё-таки получили, однако 14 июля 1947 г. секретарь райкома Подоляк сигнализировал в обком: «Согласно указанию заместитель начальника УМВД по области предложено изъять у всего партийно-советского аппарата огнестрельное оружие несмотря на то, что всё время говорили о создании истребительных групп по сельсоветам. В 6-7 сельсоветах мы такие группы создали, а сейчас предложено изъять оружие. Словом, получается, что убили трёх бандитов, ну, значит, всё спокойно. Я прошу вашего вмешательства и сохранить данные группы. Нельзя лишать актив оружия, так как приходится работать в местах появления банд, и в настоящее время они появляются. Хоть (никого. – авт.) не убивают больше месяца, но это не означает, что уже спокойно» [13, л. 32].

Жизнь показала правоту слов секретаря райкома. Уже через пять дней райком отмечал, что органы МГБ провели большую работу по ликвидации националистических групп в районе. Были уничтожены главари этих групп Олесик, Крень, Литвинюк, которые терроризировали население и мешали честным людям работать. После проведения операции МГБ по ликвидации главарей банд положение в районе улучшилось. Ранее молодёжь в истребительные группы шла очень неохотно, но теперь пошла во всех сельсоветах в эти группы и стала оказывать органам МГБ большую помощь. На местах отмечали, что «уже ни один работник партактива не боится проводить собрания людей вечером, и нужно отметить, что у самих крестьян поднялось настроение и уверенность, что их есть кому защищать» [13, л. 35].

Но поживать на лаврах оказалось рано. В августе 1947 г. в Хотиславском, Мокранском и Ореховском сельсоветах среди населения опять стали распространяться враждебные слухи, направленные на торможение хлебозаготовок [13, л. 38]. В связи с мероприятиями МГБ влияние бандитов заметно снизилось, и настроение населения в сравнении с 1946 – первой половиной 1947 г. улучшилось. Однако, надвигалась будущая коллективизация, что явно понимали зажиточные крестьяне. С националистами тесно сотрудничала определённая часть районных кулаков. 10 сентября 1947 г. райком отмечал: «кулацкая часть населения стремится сорвать нормальную жизнь района. В августе в Ляховицком сельсовете были тяжело ранены заведующий организационно-инструкторским отделом райкома Карасик и местная крестьянка. Часть кулаков прячет хлеб от государства» [13, л. 43]. После лечения от тяжёлого ранения партработник покинул район.

В ноябре 1947 г. агитация бандитов опять активизировалась, особенно в Ореховском, Олтушском и Хотиславском сельсоветах. Гражданин Жох, который до войны был председателем Ореховского сельсовета, накануне выборов в местные советы не согласился баллотироваться. Он начал умолять предоставить ему любую работу, только не председателем сельсовета. Можно только догадываться, как мучительно тяжело было в этих условиях принимать кадровые решения. Активистка из д. Гвозница в предварительной беседе с ней представителя райкома сначала согласилась со своей кандидатурой с состав районного

совета, но вскоре пришла в райком и категорически отказалась. И таких примеров было много [13, л. 48].

Тогда же в Бродятинском сельсовете при организации письма Сталину на комсомольском собрании был пущен слух, что на этом собрании будут готовить молодёжь для отправки в фабрично-заводские училища Донбасса, так как там «обвалилась шахта, и погибло 5 000 человек. Всех, кто придёт на собрание, увезут в Брест». Собрание было сорвано [13, л. 49].

Тем не менее, соответствующие органы продолжали делать своё дело. В ноябре 1947 г. участковый уполномоченный Осадчий задержал на своём участке «видного шпиона» [9, л. 38], а в декабре вылазок националистов было заметно меньше [19, л. 54].

Новый 1948 г. начался с очередного кровопролития. Поздно вечером 2 января в д. Мельники Хотиславского сельсовета ворвалась банда в количестве 25 человек, вооружённых автоматами, гранатами и ручным пулемётом. Половина из них осталось, а остальные двинулись в Хотислав. Там они ворвались в помещение сельсовета, сорвали там портреты Ленина и Сталина, разбросали бланки избирательных бюллетеней по выборам в сельсовет и разбили телефонный аппарат. В полночь один из бандитов ворвался в квартиру заместителя председателя сельсовета Ивана Никитича Лукьянчука и выстрелом в голову его убил. В обеих деревнях бандиты ограбили магазины сельпо, забрали у крестьян две подводы, погрузили на них награбленное и безнаказанно скрылись. Преследование банды результатов не дало. Такая дерзкая вылазка должна была показать демонстрацию своей силы, наглости и доминирования в районе.

О настроениях некоторых членов районного руководства в это время красноречиво свидетельствует позиция председателя райисполкома Слободченкова, сменившего на этом посту убитого бандитами П. Г. Ткачёва. Ему предстояло ехать в конце 1948 г. в Хотислав на обсуждение очередного пленума ЦК КП(б)Б, и он заявил, что ни на машине, ни на лошади туда не поедет «в это болото бульбашей» [14, л. 149].

В это же время органы МВД и МГБ времени даром не теряли. В апреле 1948 г. ими были вскрыты подпольные националистические организации в Хотиславском и Збуражском сельсоветах (в последнем там оказалось несколько местных комсомольцев), «парализовали сектантскую деятельность, члены сект были зачастую наймитами иностранных разведок». Органы добились уменьшения уголовной преступности в районе на 70 % [4, л. 20]. Начальник милиции Шимчук докладывал в райком: «Все знают обстановку 1947 г., в которой пришлось работать. Район был крепко заражён бандгруппами и уголовно-преступным элементом. За 1947 г. преступного элемента привлечено 135 чел., из них арестовано 85..., изъято много оружия, гранат и даже 10 кг аммонала» [14, л. 19].

К слову сказать, находившиеся на острие войны с бандами и уголовниками работники МВД и МГБ, постоянно рисковавшие жизнью, многие из которых имели семьи, жили в очень сложных условиях, прямо скажем, не по степени своего напряжённого труда – из 88 оперативных работников только трое имели квартиры. Шесть офицеров квартир не имели вообще [14, л. 19].

Эхо войны с бандитизмом докатывалось и за пределы района. В октябре 1948 г. в райком пришёл запрос из воинской части 29969 на служившего там

жителя одного их хуторов в Хотиславском сельсовете. Его мать и сестра были арестованы как «связные бандеровцев», о чём ему сообщили. Командование части отмечало, что «он показал себя политически неустойчивым, неоднократно высказывал нездоровые настроения, за последнее время в связи с арестом его родных его качества ещё более усилились». Начальство интересовало, чем он занимался в период оккупации [16, л. 7].

В этой связи очевидно неуместным казалось мероприятие, которое было организовано по всей республике, но которое в таких районах, как Малоритский, выглядело по меньшей мере нелепо. В июле 1947 г. в Италии кто-то покусился на жизнь лидера итальянских коммунистов Пальмиро Тольятти (неудачно). И в районе «105 человек присоединили голоса протеста к мощному голосу человечества всего мира. Злодейское покушение призывает нас к величайшей бдительности и готовности дать сокрушительный отпор всем казням реакционеров... в борьбе за счастье человечества» [15, л. 4]. При всём сочувствии к лидеру итальянских коммунистов, следует отметить, что двумя неделями ранее здесь, не в Италии, в д. Отчин бандиты захватили инструктора райкома комсомола Якова Олесюка и увели в лес на расправу. Дальнейшая судьба человека оказалась неизвестной [20, с. 326].

В начале 1948 г. райком сетовал, что в д. Анноспасская нет комсомольской организации и что необходимо её создать [19, л. 11]. Это было сделано, и её возглавил, конечно, педагог – Софья Антоновна Чинная, молодая восемнадцатилетняя учительница этой деревни [20, с. 328]. В марте 1949 г. её короткую жизнь оборвёт пуля бандита, мешавшего нормальным людям жить, трудиться и делать свой район краше, лучше, чтобы их потомкам жилось в нём хорошо и надёжно.

Заключение

К концу 1940-х гг. бандитское движение в районе постепенно пошло на убыль. Решающее слово здесь сказала коллективизация. Централизация продовольствия под охраной государства лишила бандитов привычной поддержки индивидуальных хуторов. Кроме того, бандформирования понесли в борьбе с Советской властью невосполнимые серьёзные потери. Местное население устало от состояния нестабильности и массово переходило к поддержке власти, которая эту стабильность гарантировала. Зверства бандитов отвратили от них мирных людей, и постепенно в начале 1950-х гг. ситуация в районе окончательно вошла в мирное русло. Это позволило теперь без помех районным и областным властям заняться мирным обустройством не только Малоритчины, но и остальных районов западного Полесья.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Учреждение «Государственный архив Брестской области» (далее – ГАБО). – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 1.
2. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 2.
3. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 5.
4. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 14.
5. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 16.
6. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 17.
7. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 19.
8. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 21.

9. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 42.
10. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 44.
11. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 81.
12. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 82.
13. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 83.
14. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 111.
15. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 118.
16. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 139.
17. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 182.
18. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 183.
19. ГАБО. – Ф. 13-п. – Оп. 1. – Д. 217.

20. *Кез И. В., Мороз В. В.* Сквозь годы и грозы XX века / *И. В. Кез, В. В. Мороз.* – Брест : «Альтернатива», 2014.

Burik E. A., Bodak A. Y. *The political situation in the Maloritskiy district in the first years after the liberation of the district from the NAZI*

The political situation in the Fiery Belarus in the first post-war years was difficult. There was a re-Sovietization of the region, which the Soviet government did not have time to complete in the pre-war years. Here the authorities met the stubborn resistance of their opponents, and an undeclared war was going on here for several years. The government won this war.

This article discusses various aspects of solving the issues of Sovietization and the problems that the Soviet government had to face in the region, as well as overcoming them.

УДК 94(476)

Бурик Е. А., Бодак А. Ю.

**РАЗВИТИЕ ПЕЧАТНЫХ СМИ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ
(НА ПРИМЕРЕ РАЙОННОЙ ГАЗЕТЫ
МАЛОРИТСКОГО РАЙОНА БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Развитие региональных печатных средств массовой информации всегда являлось предметом самого пристального внимания со стороны государства. Они позволяют в наиболее доступной для местного населения форме донести до читателя основные направления политики власти и освещать наиболее интересные для него стороны жизни конкретного региона.

В данной статье рассматривается история становления региональной прессы в Западном Полесье в послевоенные годы в рамках второй советизации региона на примере типичного в этом смысле издания – районной газеты Малоритского района.

Ключевые слова: редакция, типография, корреспондент, статья, цензура.

Введение

В эпоху, когда электронные средства массовой информации отсутствовали, основным источником получения сведений о политике, экономике, культуре окружающего мира являлись печатные издания. Они были доступны по карману любому желающему и выходили регулярно. Оценки происходящего, которые они содержали, решающим образом влияли на миропонимание их читателя, и не зря СМИ получили название «четвёртая власть». Серьёзные политики